

Губернатор Михаил Ефремович Ионов.

Генерал от инфантерии Михаил Ефремович Ионов.

*«Под смутный говор, стройный гам,
Сквозь мерное сверканье балов,
Так странно видеть по стенам
Высоких старых генералов.
Приветный голос, ясный взгляд,
Бровей седеющих изгибы
Нам ничего не говорят
О том, о чем сказать могли бы»*

Стараниями алматинских краеведов довольно широко освещена деятельность первого губернатора Семиреченской области Герасима Алексеевича Колпаковского, но в тени остались другие дореволюционные деятели на этом ответственном посту.

Между тем многие из них внесли достойный вклад в обустройство города и края. Один из них военный губернатор Семиреченской области Михаил Ефремович Ионов, занимавший эту должность с 1899 по 1907 год. А начиналась его деятельность на военном поприще. Как Г.Колпаковский заслужил признание и любовь верненцев, будучи устройтелем Семиречья и освободителем от кокандского владычества, так и М. Ионов вполне может претендовать на звание освободителя Памира и основателя европейской части города Ош. Именно ему, заслуженному туркестанцу, нынешний независимый Таджикистан обязан присоединением в его состав знаменитой «Крыши мира», как именовали высокое нагорье, лежащее на границе Российских и Английских владений. Лишь благодаря смелым и решительным действиям ИONOва, порой вопреки указаниям начальства и самого российского правительства, территория была очищена от рвущихся сюда захватчиков со стороны соседних государств. Спорная территория была буквально вырвана из рук афганцев и китайцев, подстрекаемых Великобританией. А до этого у М.ИONOва была тяжелая, почти в непрерывных боях, военная служба, длившаяся 25 лет, по которой можно проследить едва ли не всю историю присоединения Туркестана к России.

Михаил Ефремович Ионов родился в 1846 году. Воспитанник Орловского кадетского корпуса и военного Константиновского училища, он начал военную карьеру в 1866 году в чине подпоручика в составе Оренбургского, впоследствии 1-го Туркестанского стрелкового батальона. Боевое крещение получил при штурме Бухары, где проявил отвагу и находчивость, за что был награжден орденами Святого Станислава 3 степени и Святой Анны 3 степени с мечами и бантами. Следующим заметным этапом службы был 1873 год, когда в составе Джизакской колонны Туркестанского отряда Ионов совершил поход в Хиву и, отличившись в боях при Шейх-Арыкской переправе, был произведен в капитаны и награжден орденом Святого Владимира 4 степени с мечами и бантом.

В 1875 году, командуя стрелковой ротой в составе главных сил генерала К.П.Кауфмана, участвовал в Махрамском сражении, после которого получил чин майора и награду орденом Святой Анны 2 степени. За бой на Балыкчинских завалах Ионов удостоен награды золотым оружием с надписью «за храбрость».

Послужной список боевого офицера в 1876 году пополнился штурмом Андижана и наградой орденом

Святого Георгия 4 степени. В том же, 1876 году М.Е.Ионов был назначен первым начальником только что организованного Ошского уезда в составе Ферганской области.

Тогда это была обычная практика: губернаторами, начальниками уездов назначались только военные. В Туркестане это было оправдано, ведь им постоянно приходилось решать не только хозяйственные и социальные вопросы, но и участвовать в военных действиях, тем более что воинские звания и должности с них не снимались.

Задача была непростой: вместо средневекового управленческого аппарата, развалившегося Кокандского ханства надо было создавать современную русскую администрацию. Один из самых древних городов Средней Азии Ош занимал важное стратегическое положение, так как находился на перепутье дорог, ведущих в Китай, Индию, Афганистан. Рядом проходила граница, за горами лежали чужие, не всегда дружественные государства, и начальнику уезда приходилось то и дело улаживать вопросы международного характера. Не менее гибкую политику необходимо было вести и по отношению к коренному населению, имеющему свой менталитет, свои традиции, другую религию и язык.

Надо было проявлять такт и дипломатичность и одновременно с этим настойчивость и характер, чтобы склонить на свою сторону население, среди которого были и фанатики ислама и свободолюбивые горцы и просто недоброжелатели, часто подстрекаемые мусульманскими государствами. В России выработался свой стиль правления и поведения в отношении к азиатским народам, вошедшим в ее состав. Заключался он в корректности, минимальном вмешательстве и установлении справедливого порядка, когда с одной стороны сохранялись национальные традиции, а с другой – искоренялся средневековый деспотизм и жестокости.

И здесь обнаружилось, что у молодого Ионина дар военного сочетался с задатками хорошего политика, администратора и хозяйственника. Кроме того, он был просто честным, справедливым человеком, привыкшим добросовестно исполнять любое порученное дело. И результаты не замедлили сказаться.

В обязанности уездного начальника входило решение вопросов городского хозяйства. Он же являлся председателем городской комиссии, в состав которой входило до пяти самых богатых и влиятельных граждан города из местных жителей, избираемых сроком на три года. А дел было не впрокорот: средневековый азиатский город необходимо было преобразить, ликвидировать антисанитарию, построить дороги мосты, бани, создать условия для нормальной торговли и т.д. Самым же сложным и важным была закладка нового города европейского вида с нормальными условиями проживания.

В первую очередь надо было построить казармы для солдат, жилье для офицеров. Задача усложнялась бюрократизмом и неповоротливостью управленческого аппарата и служб. Решительный Ионов, не дожидаясь, когда казначейство переведет деньги, изворачивался, проявляя изобретательность и риск. Не было денег, он привлекал подрядчиков на взаимно выгодных условиях, даже вкладывал свои личные, выкупая землю под стройку, занимал у богачей. Проявляя хозяйственную сметку, он заложил базар, солдатскую слободку, дома для офицеров и уже вырисовывались контуры нового города.

Даже сейчас, спустя более 130 лет память о первом начальнике уезда сохраняется в виде планировки современного города и уцелевших зданиях, построенных еще М.Е.Ионовым. Не меньше проблем было у начальника приграничного города в международном плане.

За Алайским хребтом лежала огромная страна – Памир. Россия считала его своей территорией и это подтвердил и покоритель Коканда «Белый генерал» М.Скобелев своим походом на Памир еще в 1876 году и российские ученые (А.Федченко, Н.Северцов, И.Мушкетов), в 1877 - 1880 годах уже начавшие обследование Памира.

Прежде это были владения Кокандского ханства, теперь вошедшего в состав России; права России на Памир первоначально признавала и Англия, в 1872-73 годах заключившая договор о разделе сфер влияния. Однако Англия нарушила договор, в 1883 году побудив своего вассала афганского эмира оккупировать отдельные районы Западного Памира.

Аналогичная политика проводилась и в отношении Восточного Памира. Боясь вторжения России в Индию, англичане создали план раздела Памира между Китаем и Афганистаном и этим преградить путь русским через Гиндукуш на юг.

Китайцы и афганцы ставили свои военные пикеты в Восточном Памире, обкладывали горцев налогами, и, подавляя сопротивление, вырезали целые кишлаки. Капитан Б.А.Громбчевский, посетивший Памир в 1889 году, был поражен симпатией к русским местного населения, считавшего себя подданными Белого царя и ждавшим от него защиты.

У России не доходили руки до отдаленных окраин, но, наконец, в мае 1891 года туркестанский генерал-губернатор барон А.Б.Вревский отдал приказ командиру 2-го Туркестанского батальона полковнику М.Е.Ионову выступить на Памир, произвести «рекогносцировку» и восстановить права России на эту территорию.

Приказ был довольно расплывчатым и в этом сказались колебания правительственных кругов в политике по отношению к Великобритании. Ее боялись «обидеть». Ионову предоставлялось право действовать по своему усмотрению на свой страх и риск.

Дело обстояло так, что если ты победишь, то будешь героем, если же потерпишь поражение, то все грехи свалят на тебя. Отряд Ионova состоял из 122 человек, включая 8 офицеров, доктора, ученого подполковника Громбачевского, классного топографа Бендерского и самых сметливых и отважных солдат и казаков, набранных в основном из охотничьих команд – так назывались специально подготовленные части для выполнения особо сложных задач, например, разведки. Что-то вроде современного спецназа. Экспедиция одновременно выполняла и научные задачи по описанию местности, определению координат геодезических пунктов и частичной съемке местности. В июле Ионов с отрядом поднялся на очень высокий (4250 м. н. у. м.) перевал Кзыл-Арт, ведущий на Памир, по пути расставляя знаки с надписью «Полковник Ионов.1891 год», и кое-где оборудуя временные убежища-пикеты в виде землянок на случай постановки здесь военных постов. Обойдя восточную и южную окраину Памира и выдворяя китайские пикеты, 26 июля Ионов с 30 казаками поднялся на перевал через высокий Гиндукуш, по существу проникнув в пределы Индии. Пройдя примерно сто километров по чужой территории, Ионов повернул обратно, своим самовольным поступком показав возможность похода в Индию через высокогорный хребет, а заодно «отомстил» Англии за ее вмешательство в российское пространство.

Завидев русский отряд, афганские солдаты отовсюду бежали, но каково было удивление английского разведчика Янгхазбенда, производящего на Памире геодезические съемки, когда он совершенно неожиданно столкнулся с отрядом Ионova. Михаил Ефремович проявил завидное благородство и такт. Янгхазбенд был британским офицером, но одновременно и известным ученым, имевшим значительные работы по географии Центральной Азии – с разведчика лишь взяли слово, что он покинет чужую территорию, и отпустили с миром.

Зато другого англичанина, лейтенанта Дэвисона, производящего топографическую съемку, пришлось взять «в плен», а так как девать его было некуда, то он так и двигался вместе с отрядом, а позже, пройдя через всю Россию, вернулся на родину, в Англию.

После ухода отряда Ионova афганцы и китайцы вернулись на Памир вновь и снова начались притеснения горцев. М.Е. Ионов, обеспокоенный судьбой волостных старшин, поставленных им во время своего рейда, писал Туркестанскому губернатору:

«Представляю при сем письмо, полученное мною от Курумчи-бека, старейшины киргизов, расположенных на Ранг-Куле, Мургабе и Аличуре. Исполняя возложенные на меня поручения на Памирах, я стал невольным виновником неприязненных отношений китайцев с памирскими киргизами, поэтому позволю себе просить Ваше превосходительство защитить киргизов от насилий китайцев, которые не замедлят проявить свою мстительность». Летом следующего 1892 года Ионов снова двинулся на Памир с отрядом, на этот раз усиленным 4 орудиями конно-горной батареи. Сам император Александр III повелел вести «охранение наших интересов в Памирском крае».

Но опять под давлением мягкотелых министров и в первую очередь министра иностранных дел, Ионову было предписано не продвигаться дальше реки Мургаб, а вся экспедиция выдавалась за чисто научную. «Деликатность» чиновников была такова, что даже выставленные Ионовым прошлогодние знаки объявлялись, как геодезические. И опять непокорный полковник проявил самоуправство. Нарушив запрет, Ионов вышел за Мургаб и 12 июня в урочище Сумэ-Таш столкнулся с афганским пикетом. Начались переговоры, но афганский капитан Гулям-Хайдар-хан отказался покинуть территорию, надеясь на своих солдат. Создалась обстановка, выиграть в которой мог более решительный и смелый.

Надо было действовать быстро, Ионов понимал, что промедление смерти подобно. - «Хватай их, братцы!» - неожиданно отдал он команду. Скорее всего, он надеялся на бескровный исход дела, но вышло по иному. В яростной и короткой рукопашной схватке пришлось применить оружие, и отчаянные казаки одержали быструю победу. Потери афганцев составили семь убитых, в числе которых был их командир, у русских трое раненых казаков.

Император, еще недавно сомневающийся в необходимости военных действий, теперь довольный, написал на представленном рапорте:

- «Не мешает иногда и проучить их».

В урочище Ак-Таш пришлось выгнать китайцев, строивших здесь свой военный пост. При этом китайцы были так напуганы решительными действиями русских, что однажды 60 их солдат позорно убежали от одного казака, смело бросившегося на них в атаку.

В сентябре Ионов покинул Памир, но оставил на Мургабе отряд штабс-капитана П.А.Кузнецова на зимовку. Стало ясно, что здесь необходимо организовать постоянный военный пост. В условиях высокогорья и суровой зимы солдаты под руководством инженера А.Г.Серебренникова построили крепость, названную «Памирским постом» (ныне город Мургаб).

И опять довольный Александр III начертал на полях доклада: «Возложенное поручение Ионов и весь отряд выполнили отлично». В 1894 году Западный Памир опять оказался под гнетом афганцев. И опять М.Ионов, теперь уже в чине генерал-майора, с тремя отрядами двинулся на Памир. Здесь уже сражались подполковник Н.Н.Юденич (тот самый будущий белогвардейский генерал, участвовавший в гражданской войне) и А.Г.Скерский. С небольшими отрядами они одерживали победы благодаря храбрости солдат и новым винтовкам конструкции Мосина, только что поступившими на вооружение русской армии (скажем, что эти винтовки прослужили до 1945 года и применялись в Великой Отечественной войне).

Новые винтовки били неприятеля с расстояния в полторы, две тысячи метров и этим удавалось сдерживать натиск афганцев, численность которых намного превышала число русских. 19 августа со

своим отрядом подошел Ионов, и афганцы убрались за Пяндж. 23 августа все три отряда под общим командованием Ионova объединились в Хорого.

Это была окончательная победа, положившая конец всем иностранным притязаниям на Памире. Местные жители ликовали, празднуя освобождение от афганского ига и приветствуя приход русских. Летом 1895 года англо-русская комиссия на месте провела разграничение государств, причем граница, существующая и ныне, была проведена так, что территории России и Англии не соприкасались друг с другом.

Руководитель британской пограничной комиссии генерал-майор Дж.Герард, возвращаясь домой, прошел вместе с казачьей частью до Оша. Делясь своими впечатлениями от этого перехода, он не скрывал своего восхищения и даже зависти от великолепного состояния личного состава русских войск.

Он был поражен обстановкой в отряде, где офицеры и рядовые составляли дружный коллектив, а конвойные казаки, казалось, получали высочайшее удовольствие от походной жизни и писал: «Жизнерадостность и незаменимость казаков в течение всего перехода были выше всяких похвал». Герард отмечал такие качества казаков, как усердие, приветливость, неприхотливость, находчивость и умение выйти из любого сложного положения. У русских ему нравилось все, начиная от «наваристого борща», быстрого устройства дорог на Памире до порядков, установленных русскими в Средней Азии, когда власти не нарушали традиционный образ жизни коренного населения, запретив лишь ношение оружия и вынесение смертных приговоров местными судами.

Англичанам было незнакомо доброе отношение аборигенов к пришельцам-европейцам, то, что они видели здесь, в Русском Туркестане. Ионов выполнил свою миссию на «Крыше мира» с честью. Его дальнейший послужной список выглядел так: 1893 году - начальник Алайского резерва войск, расположенных за Алайским хребтом и на Памире, 1894 год - начальник 4 Туркестанской линейной бригады, 1898 год - Ионов командует войсками в Ферганской области.

В 1899 году заступив на высокий пост Семиреченского губернатора с центром в городе Верном, будущем Алматы, М.Е.Ионов продолжил славные традиции своих предшественников и много сделал для обустройства вверенного ему края.

При нем был возведен ныне существующий величественный Кафедральный собор (и тем самым положен конец долгострою, длившемуся почти тридцать лет), открыты новые государственные и частные учреждения в Верном и области: Переселенческое управление, отделения банков, Сельскохозяйственное общество, Лесная школа, новые приходские и государственные школы и церкви в селениях и станицах.

Генерал был любознательным человеком, как и Г.Колпаковский, поддерживал науку и приезжих ученых. Еще будучи начальником в Оше, содействовал и помогал экспедициям Н.Северцова, и И.Мушкетова, а в Верном – В.Сапожникову, Г.Мерцбахеру, В.Липскому и другим.

С некоторыми был в дружеских отношениях, например, с В.В.Сапожниковым совершал совместные экскурсии по окрестностям Верного. Занимался любительской фотографией и даже публиковал снимки в научных изданиях. Летом выезжал на озеро Иссык, где любил отдыхать с семьей и держал там лодку. В отличие от Колпаковского, стоял на защите интересов казачества. Он не раз ставил давно наболевший вопрос наделения казаков положенными им 30 десятинами земли на душу, так как по ревизии 1899 года фактический размер надела в среднем составлял 21 десятину. Чтобы не ущемлять интересов коренного населения решение вопроса Ионов видел в покупке земли у коренного населения на добровольных началах. Но вопрос этот так и не был решен. Всячески поощрял развитие сельского хозяйства, заботясь об улучшении пород скота (особенно в коннозаводском деле). В 1904 - 1906 годах на закуп производителей лошадей англо-арабских пород и породистого крупного

рогатого скота было затрачено около 4 тысяч рублей. Занимался любительской фотографией, любил охоту и первым в 1900 году ввел запрет на отстрел маралов и архаров.

При Ионове впервые были введены правила охоты с ограничением отстрела по временам года. Когда в Верном шла подготовка к созданию местного музея, Ионов подарил ему из своей коллекции чучельные головы марала, архара и джейрана.

Некоторые шкуры и чучела отсылал в Зоологический музей в Петербурге, которые хранятся и поныне). В 1907 году Ионов вышел в отставку в высшем военном чине генерала от инфантерии. На отставку Ионова повлияла его отрицательная позиция в отношении деятельности Переселенческой партии в Семиречье, занимавшейся обустройством переселенцев из России. У М. Ионова было четверо детей: две дочери и два сына. Сыновья пошли по стезе отца, став военными. Но дальше их пути кардинально разошлись: Александр стал активным участником Белого движения во время гражданской войны в Семиречье, даже был избран атаманом Семиреченского казачьего войска. Младший сын Владимир в качестве офицера участвовал в первой Мировой войне, с 1919 года он, бывший полковник артиллерии, блистательно служит в Красной Армии, участвуя в боях за Туркестан, а затем до смерти в 1946 году находился на гражданской службе.

Относительно последующих лет жизни М.Е. Ионова существует несколько довольно фантастических версий. Ясность вносит рассказ его праправнучки Н.Д. Кареевой (ныне живущей в Санкт-Петербурге), изложенный в сборнике статей на XV Царскосельской научной конференции «Россия – Восток. Контакт и конфликт мировоззрений». В 1911 -1915 г.г. М.Ионов вместе с семьей жил в Швейцарии, в 1915 – 1917 г.г. – в Петрограде. После октябрьского переворота вернулся в Верный, где бедствовал, распродавая на еду свои награды, в том числе золотые.

Подрабатывал сдельно в местном архиве. О том, почему он не был репрессирован советской властью, можно догадываться: его хорошо помнили и уважали бывшие солдаты, работавшие в Совдепе. Сам М. Ионов, будучи губернатором, был знаком с семьей М.Фрунзе, и помогал ей материально. Немаловажным было и то обстоятельство, что его дочь Наталья вместе с мужем Б. Кареевым на заре века участвовала в революционном движении в Верном, в 18 лет вступила в комсомол, а с 1920 года служила в Красной армии.

Скончался М. Ионов в 1924 году и был похоронен близ своей дачи на речке Малая Алматинка, на территории нынешнего санатория МВД. По словам краеведа В. Казанцева могила сохранилась, но доступ к ней закрыт.

Именем М.Е. Ионова назван один из высоких перевалов на Памире, ведущий в Афганистан, однако название это ныне забыто.

Источник:

«Очерки по истории Семиречья». Писатель-натуралист, фотохудожник, краевед Александр Лухтанов.

«Стилистика и грамматика автора сохранены»